

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982 г.

БЕЛУДЖСКАЯ ЛЕГЕНДА О ШАДАДЕ И МАНАЗ

Эпические сказания – героические и романтические – занимают особое место в богатом и до сих пор малоизученном белуджском фольклоре. Как в свое время отмечал И.И.Зарубин, эпос был источником, откуда белуджи черпали свое представление о *shardI* – идеале мужской доблести и чести, а исполнители эпических песен – шайры пользовались в белуджской среде особым уважением¹.

Образцы эпического фольклора зарубежных белуджей – носителей северного диалекта – зарегистрированы уже довольно давно². Что касается эпоса белуджей, говорящих на южном диалекте, к числу которых принадлежит и белуджи Советской Туркмении – выходцы из Афганистана, то, кроме двух небольших отрывков в вышеупомянутой статье И.И.Зарубина, каких-либо материалов по нему опубликовано не было.

Проведенная мною в январе 1978 г. рекогносцировочная поездка к белуджам Йолотанского и Туркменкалинского районов Марыйской области Туркмении убедила меня в том, что до сих пор существует реальная возможность записать обширный и интересный материал по белуджскому фольклору, в частности, по эпосу. Об этом, как кажется, свидетельствует знакомство с записанными в это время легендами "Шадад и Маназ" (в двух вариантах) и "Шаймурад и Ано", общим объемом около 800 строк. Эти эпические фрагменты имеют хорошую сохранность и обладают несомненными художественными достоинствами³. Размеры настоящей заметки не позволяют привести целиком тексты этих фрагментов с переводом и достаточно полно прокомментировать их, мы ограничимся поэтому здесь сжатым пересказом первого из них, очевидно, пользующегося большой популярностью у слушателей. Это история любви белуджского витязя Шадада к красавице Маназ.

Шадад увидел ее впервые, когда выехал верхом на прогулку:

В руках у нее – палочка для сурмления
глаз,

В руках у нее – мисвак, им она
чистит зубы,

Золотой колокольчик привязан к
ее кудрям...

Ни один ветер не смел коснуться
моей кроны,
Только кудри моего Шадада...

Но Шадад не поверил и объявил о своем разводе с ней. Тогда Маназ послала гонца за своими родичами, чтобы они увезли ее к себе. Приехал ее отец, собрал всех рэндов¹ и они решили так: пусть на площади разведут большой костер и устроят Маназ испытание огнем. Так и сделали - и Маназ вышла из огня невредимой. Родственники увезли ее в свой стан, а Шадад вскоре раскаялся в содеянном и отправился на поиски Маназ, и по дороге забрел в мастерскую кузнеца. Узнав об этом, Маназ нарядилась и подучила Омара, чтобы тот пошел вместе с ней к кузнецу, и там усадил бы ее к себе на колени и принялся бы целовать. Так они и сделали.

Когда Шадад увидел Маназ на коленях у Омара, он пришел в ярость и закричал Маназ: "Как ты позволяешь этой собаке целовать себя?" И стал поносить Омара, а Маназ защищала его, а Омар отвечал Шададу бранью.

В гневе Шадад говорит кузнецу: "Сделай мне подковы, а у меня много дела, я уйду отсюда". Кузнец отвечает ему: "Нет у тебя никакого дела, и никуда ты не спешишь, просто ты горюшь весь, увидев Маназ". В ярости вытащил Шадад саблю и убил кузнеца, а раскаленные подковы бросил в торбу коня, так что они проггли ее и упали на землю. И закричал Омару: поедем в горы, устроим состязание в мужской доблести, пусть Маназ посмотрит, кто из нас настоящий витязь! Но Омар не поехал с ним, ответил Шададу угрозами.

И тогда Шадад сел на своего чалого коня и помчался к себе домой, тяжело занемог и стал изливать матери свою тоску по Маназ. Пришли знахари и мудрецы со всех краев - но все они сказали: "Лекарства от болезни Шадада нет, передайте это Маназ, пусть она придет скорее, чтобы они успели встретиться до судного дня". Гонец примчался к Маназ и сказал ей об этом. И Маназ стала просить Омара, чтобы тот отпустил ее к Шададу. Омар не соглашался, но Маназ сама велела привести верблюда-иноходца, погрузила на него паласы, одеяла, нарядилась и отправилась к Шададу.

Приехала к нему,
И они обнялись,
И прижались друг к другу
устами.

Маназ сказала: назови меня
Ани,
и я тебе отвечу: милый!
И оба они испустили дух.

Как уже было сказано, эта легенда записана в двух вариантах. Второй вариант в целом повторяет сюжетную схему вышеизложенного, отличаясь от него лишь некоторыми деталями. Так, например, во втором варианте более подробно рассказывается о том, как первая жена и служанка вошли в сговор, чтобы оклеветать Шадада, как они взяли обувь Омара и Маназ, пошли к ручью и оставили там следы, так чтобы люди подумали, что Маназ и Омар предавались там любовным утехам. Калым за Маназ состоит из тридцати манов золота, тридцати рабов и тридцати верблюдов. Увидев Маназ, Шадад не просто бьет ее кнутом и провозглашает развод, но дает ей три золотых – в знак развода. Маназ отказывается их взять, и тогда Шадад завязывает их в уголок ее чадры. С другой стороны, менее подробно описаны страдания Шадада после разлуки с Маназ, менее детализовано описание красоты Маназ и т.д.

Интересно, однако, что когда в сюжетной канве и наблюдается полное совпадение, текст двух вариантов значительно различается; это заставляет предполагать, что мы имеем здесь дело не с вариантным воспроизведением одного и того же первоначального текста, а что два записанных нами варианта восходят к двум вариантам легенды, существовавшим в относительно давнее время. Впрочем, окончательно разобраться в этом, так же, как и попытаться восстановить некое подобие критического текста легенды удастся лишь после проведения дальнейших сборов материала. Это даст также больше возможностей для сопоставления записанных фрагментов белуджских легенд с уже известными легендами других ираноязычных народов.

¹ И.И.Зарубин. К изучению белуджского языка и фольклора. Л., 1930.

² M.Longworth Dames. Popular poetry of the Baloches. London, 1907.

³ Все белуджские тексты записывались при активном участии и содействии Ханмаммеда Алладодова – жителя колхоза им.Куйбышева, Туркменкалинского района, большого знатока белуджской эт-

нографии и энтузиаста – собирателя родного фольклора.

⁴ Белуджское племя, к которому принадлежат эпические герои.

Л.Додхудоева

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВАСФ И ЕГО ЖИВОПИСНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

В значительной мере тематический репертуар персидской миниатюры составили ритуальные сцены. Это так называемые типологические композиции дворцовой иконографии: изображения героической охоты, победоносного сражения, роскошного пиршества, коронавание царской особы и т.п.

Многие исследователи¹ причисляют миниатюры подобного содержания к "нейтральным", "безразличным" сценам, которые, по их мнению, мало связаны с текстом и использовались для иллюстрации любого литературного сочинения.

Однако без этих традиционных тем не мог представить своего произведения ни один средневековый поэт или художник. Низами, например, в предисловии поэмы "Лайли и Маджнун" сетует на то, что фабула не дает ему возможности развернуть перед читателем их описания, которые входили в тематику васфа.

Васф являлся составной частью литературных сочинений, чаще касиды, и представлял собой описание природы, животных, панегирические изображения царских охот, сражений, развлечений. Он не имел самостоятельной цели, а служил поэтам для придания произведению особого колорита, и, создавая определенное настроение, тем самым помогал автору воздействовать на читателя. Впоследствии васф претерпел изменения и принял характер куртуазных описаний выше перечисленных тем².

Эти картины, по мнению Е.Э.Бертельса³, подобно декорациям украшали произведения, а красота их достигалась бесконечной перегруппировкой все тех же мотивов и осложнением образов, созданных предшественниками. Подобную же функцию выполняют иллюстрации васфа в рукописи, поскольку "безразличные темы составляют как бы фон, на котором выделяются основные узловые сюжеты".⁴

В какой-то мере васфу был присущ характер церемониальности, который отличал некоторые культуры средневековья, например, древнерусскую. Связь светского изобразительного искусства Древней Руси с персидскими живописными мотивами и значительное